

Елена Арсеньева

Сбывшееся проклятье (Михаил Скопин-Шуйский, Россия)

*Часть сборника
Преступления страсти.
Коварство (сборник)*

Преступления страсти. Коварство

Елена Арсеньева

**Сбывшееся проклятье (Михаил
Скопин-Шуйский, Россия)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Сбывшееся проклятье (Михаил Скопин-Шуйский, Россия) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Преступления страсти.
Коварство)

ISBN 978-5-699-24596-3

«Князь Михайла смотрел на жену, которая припала головой к его ногам, сдавленно рыдая, – и понимал, что ее слезы были не слезами жалости, а слезами прощания. Он умирал и знал, что умирает. Немилосердная боль, которая начала его терзать вскоре после того, как он осушил чарку вина, принятую из рук дорогой тетушки и кумы Катерины Григорьевны, наконец-то утихла...»

ISBN 978-5-699-24596-3

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Елена Арсеньева

Сбывшееся проклятье

(Михаил Скопин-Шуйский, Россия)

Князь Михайла смотрел на жену, которая припала головой к его ногам, сдавленно рыдая, – и понимал, что ее слезы были не слезами жалости, а слезами прощания. Он умирал и знал, что умирает. Немилосердная боль, которая начала его терзать вскоре после того, как он осушил чарку вина, принятую из рук дорогой тетушки и кумы Катерины Григорьевны, наконец-то утихла.

Он осторожно облизал губы... Даже притронуться к ним было мучительно, так искусал он их в приступах жесточайшего страдания, искусал, чтобы сдержать крики. Князь боялся еще больше испугать мать и жену, которые и так почти лишились от страха рассудка, когда его принесли полуживого из дома Воротынских, с веселого крестильного пира. Он стыдился сам себя – герой Москвы, освободивший ее от поляков (он-то знал, что, кабы не шведское войско, ничего не получилось бы... да и со шведами ничего не получилось бы, кабы не ушли поляки сами из Тушина, вдребезги переругавшись друг с другом... он-то знал, что никому не собирался объяснять, а теперь это и вовсе казалось неважным), любимец народный и, очень возможно, преемник государя Василия Шуйского на царстве (доброхоты доносили, что народ на старика царя, неудачника, ввергшего державу в пучину Смутного времени, войн, разора, голода, очень ропщет, а вот на тридцатилетнего синеглазого красавца, государева племянника, удачливого полководца, глядит с обожанием и надеждой). Он стыдился себя – боль превратила его в сущую развалину, тихо стенающую, скручиваемую судорогами и бьющуюся в приступах страха.

Да, ему было не только больно, но и страшно! Страшно – с тех самых пор, как он увидел на крепостной стене Дмитрова женщину с растрепанными волосами, похожую на ведьму. Раньше она казалась князю Михайле самой красивой из всех красавиц земных, а в тот момент, еще сильнее исхудавшая (хотя куда еще худать-то, и так весу не более, чем в птице-синице!), обветренная, в обтрепанной одежде, мало напоминала ту надменную, осыпанную драгоценностями панну, какой когда-то въехала в коленопреклоненную Москву, чтобы сделаться ее царицей. Только глаза, эти серые неистовые глаза... Только голос, тот же голос, который когда-то заливался серебристым смехом... Но тогда он страшно и гулко выкрикнул со стены проклятие, которое теперь сбывалось.

О, как подступила к нутру боль! Ледяной пот оросил бледное чело умирающего.

Жена почувствовала, как он задрожал, и вскинулась.

– Попа... позови мне попа... – еле слышно выдохнул князь Михайла.

Священник, отец Леонтий, уже несколько часов подремывал в дальней горнице. Слух о том, что умирает герой Скопин-Шуйский, всколыхнул округу. Толпы рыдающего народа клубились вокруг его дома в Александровской слободе, и такие же толпы, только разъяренные, клубились в Москве около дома князя Дмитрия Шуйского. Слух о том, что княгиня Катерина Григорьевна подлила в кубок, который она поднесла Скопину-Шуйскому, яду, разнесся по Москве со скоростью пожара, каковому случалось мгновенно выжечь полгорода. Сразу вспомнили, чья она дочь – Малюты Скуратова отродье, Григория Бельского, известного своей незабываемой жестокостью! Шуйские сидели запершись, уже даже не высывались на высокое крыльцо и не пытались выкрикивать оправдания, которые сначала были негодующими, а потом стали просто жалобными. Сам царь послал к ним стражников для охраны, но если возмущенная толпа все же ринется на штурм, алебардщики разбегутся, надежды на них никакой.

Впрочем, сейчас мысли отца Леонтия были вовсе не о затаившихся, перепуганных Шуйских. Он смотрел в почерневшее лицо князя Михайлы и понимал, что мгновения его молодой

жизни сочтены. Какие же прегрешения может вспомнить человек, снискавший любовь народную, всеобщее преклонение?

– Сыне, – ласково проговорил священник, – на пороге смерти вспомни: милосерд наш Господь. Милосерд и всеведущ. И если тяжело тебе говорить, ты смолчи. Ведь Творцу нашему небесному и без исповеди твоей все ведомо.

– Я знаю, – прошептал умирающий. – Но я должен сказать.

Губы его шевелились почти беззвучно. Он толком не понимал, что мелькает перед его внутренним взором...

Березовые леса... белоствольные березовые леса, через которые мчалась повозка, которую он сопровождал из Выксунского монастыря в Москву... В повозке сидела женщина в черном – испуганная, встревоженная, измученная, преждевременно состарившаяся. Это была инокиня Марфа, бывшая царица Мария Федоровна, из рода Нагих, жена покойного государя Ивана Васильевича, мать царевича Димитрия, убиенного в Угличе по приказу Бориса Годунова, метившего на престол русский.

Убиенного? Или чудом спасшегося? Может, правду говорят, будто царевичу удалось спастись? Василий Шуйский ездил в Углич, дабы расследовать убийство. Но ведь от дядюшки никогда толку не добьешься, думал князь Михайла, сегодня он в одном клянется, а завтра – с таким же пылом! – в другом. При Годунове уверял – в могиле-де царевич, сейчас твердит, что в могиле подменыш лежал. Но тот, кто нынче вознесся на московский престол, опираясь на польские штыки, шпаги и пистолы, и впрямь вполне мог быть сыном Грозного. Умен, боек, образован, удачлив, отважен, изощрен во владении любым оружием. Правда, бояре косоротятся: нет в нем благолепия истинно царского, ведет себя, как юнец. А еще бояре зло косятся на европейские, польские да французские нововведения...

Задор, легкость и веселье, которые отличали нового государя, как раз и привлекали молодого Скопина-Шуйского. К тому же князь Михайла был возвышен Димитрием: чин великого мечника, чин не столько русский, сколько польский, но звучный, почетный и доходный, был ему присвоен. А всего-то и забот – хранить царский меч, заботиться о нем, торжественно выносить на царских выходах, ну а в случае беды немедленно подать меч Димитрию – и самому, конечно, встать на защиту его. Должность была создана нарочно для красавца и храбреца князя Михайлы, и, конечно, тот был за нее благодарен. Он даже заглушил в душе сомнения, которые неминуемо посещали всех, кто пошел служить Димитрию. И когда инокиня Марфа в отчаянии спросила:

– А верит ли народ, что перед ним законный царевич?

– Горе тому, кто не признает в нем истинного сына Грозного! – отвечал князь Михаил. – Народ растерзает сего неверующего!

Проблеск радости проглянул в лице инокини. Она не помнила сына. Она не знала, погиб он или спасся. Она боялась ошибиться, признавая его. Но коли блестящий царедворец, приехавший за ней, подсказывает ей ответ... Ах, какой камень спал с ее понурых плеч! И она постаралась не заметить угрозу, которая прозвенела в словах князя Михайлы.

И вот мать с сыном – с сыном ли – встретились и бросились друг другу в объятия, и Марья Федоровна отправилась в Новодевичий монастырь – ожидать прибытия невесты Димитрия, польской красавицы Марианны Мнишек, которой надлежало быть перекрещенной в Марину.

Князь Михайла тоже ожидал ее приезда – с затаенным нетерпением. Наверное, что-то подобное испытывал каждый мужчина. Что ж там за дива заморская? За царя отдать дочь была бы счастлива любая, самая знатная семья на Руси. Димитрий владел насильно взятой, но потом влюбившейся в него Ксенией Годуновой, дочерью прежнего государя. Однако всем было известно, что стоило отцу Марианны, воеводе сендомирскому Юрию Мнишку, выразить неудовольствие, как Ксения была немедленно отправлена в монастырь. Димитрий с легкостью

отказался от прославленной красавицы – ради кого? Ради кого устроена встреча, небывалая по пышности?

Сейчас все это увидят...

Карета Марианны была запряжена двенадцатью белыми в черные яблоки лошадьми. Каждую лошадь вел под уздцы особый конюх, разряженный пуше некоторых шляхтичей. Карета снаружи была алая с серебряными накладками, с позолоченными колесами, обитая изнутри красным бархатом. Марианна сидела на подушках, унизанных жемчугом, и все ее белое платье было усыпано жемчугом и алмазами.

Она вышла из кареты и приостановилась, чуть покачнувшись.

Князю Михайле были видны ее ошеломленные глаза. Лицо – да, лицо не дрогнуло, маленькая девушка отлично владела собой, но расширившиеся глаза...

Более пышную встречу трудно себе и представить. Похоже, у польской панны закружилась голова при виде сотен встречавших ее бояр, думных дворян, стрельцов, детях боярских¹, гайдуков, гусар... И все разряжены, кругом все сверкает, искрится на солнце. А люди, люди! Сколько лиц, и не только русских. Персы, грузины, турки в толпе... Даже одного арапа можно было увидеть, однако князь Скопин-Шуйский знал, что арапчонка купили для нее отец и жених вместе.

Сначала на царскую невесту смотрели молча. Потом посыпались пренебрежительные смешки:

– Чем она его так приворожила? Ну разве что и впрямь приворотными зельями. Ведь посмотреть не на что, ни росту, ни стати. От горшка два вершка, в поясе тоньше, чем оса: ветер дунь – переломится.

Насмешничали женщины. Мужчины молчали – все как один.

Молчали... И Скопин-Шуйский, кажется, понимал, почему.

Конечно, ни ростом, ни статью полячка даже отдаленно не напоминала русских дебелых красавиц, ту же Ксению Годунову. Но что-то дрогнуло в душе князя Михайлы при виде ее. Эта несказанная гордость в каждой черте лица и в осанке, этот презрительно изогнутый рот, эта легкость движений... Ее хотелось схватить на руки, закружиться, прижимая к себе, хотелось подбросить ее и поймать, хотелось осыпать ласками, которыми не осыпают жен, принимающих супруга на ложе в рубахах, застегнутых до подбородка, дрожащих от стыда, в темноте...

Но великий мечник умел владеть собой ничуть не хуже, чем государева невеста. Не зря о нем говорили, что он еще в детстве имел «многолетний разум»! Ни одна мысль, ни одно чувство не отразились в его красивом лице. Вот только глаза могли бы его выдать, но никто не заглядывал в его глаза.

На свадьбе Дмитрия князь Скопин-Шуйский, разумеется, присутствовал тоже. Он стоял с мечом позади государя и на венчании, и на пиру. Матушка его, княгиня Елена Петровна, была в «сидячих боярынях» – за большим столом. Честь великая! Однако особой радости от сей чести на лице матери князь Михайла не видел.

Да и другие боярыни сидели, словно куклы нарумяненные да набеленные, с каменными лицами. Если у всякого (или почти у всякого) мужчины Марина (да, теперь ее иначе не называли) Мнишек вызывала странный, тревожный, необъяснимый восторг, то женщины ощущали к ней отвращение, смешанное с завистью. И сейчас они чувствовали себя оскорбленными. Ведь маленькой полячке, которую сейчас две боярыни, Наталья Мстиславская и Катерина Шуйская (а между прочим, последняя была не только дочерью Малюты Скуратова, но и сестрой покойной Марии Годуновой, убитой прислужниками нового государя, и честь, оказываемая его сестре, была с его стороны как бы знаком того, что Дмитрий зла не помнит... но если не помнил он, то помнили другие... только молчали до поры), выводили из церкви, чтобы сле-

¹ Так называлась часть служилых людей.

довать в столовую избу, оказывались почести, которые прежде никому еще, ни одной царице московской, не оказывались. Ни Софье Палеолог, драгоценный византийский подарок Ивану III, ни Елене Глинской, ради которой великий князь Василий Иванович натворил в свое время столько безумств, ни Анастасии, любимейшей жене Ивана Грозного, ни Ирине Годуновой, которой муж ее, Федор Иванович, был необычайно предан, ни Марье Григорьевне Годуновой... Они все были мужние жены, царицы лишь постольку, что стали женами царей. Их не короновали. А Марина была венчана на царство даже прежде венчания с государем! Теперь она была как бы независима от брачного союза. В случае развода она осталась бы царицей, а если бы Димитрий умер, она могла бы царствовать без него. Эта тоненькая девушка была миропомазана, возложила на свои кружевные воротники бармы Мономаха, она прошла чрез врата, доступные только государям!

И вот сегодня она венчалась с царем по православному обряду, одетая по-русски.

Ее платье, бархатное, вишневого цвета, с длинными рукавами, было столь густо усажено драгоценными камнями, что местами не различишь цвет ткани. На ногах Марины сафьянные сапоги с высокими каблуками, унизанными жемчугом; голова убрана золотой с камнями повязкой, переплетенной с волосами по польскому образцу. Говорили, что повязка сия стоила семьдесят тысяч рублей. Громадная сумма, немыслимая! Но Марина то ли привыкла, то ли уже устала удивляться окружающей ее роскоши, и лицо ее сейчас было спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.